

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОМЕНКЛАТУРЫ РАБОВ И ОТПУЩЕННИКОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Можно без преувеличения сказать, что ни одно современное исследование в области социально-экономической истории Рима не обходится без эпиграфического, в частности, номенклатурного материала. На этом материале построены ставшие сейчас уже классическими труды Тенни Франка, Гуммеруса, Лена, Даффа и других ученых¹. Все названные авторы, следуя главным образом за Тенни Франком, пользовались примерно одинаковой методикой исследования, суть которой в общих чертах сводилась к тому, что социальная и этническая принадлежность того или иного лица определялась характером *cognomina*. Грубо говоря, лица с латинским *cognomina* причислялись к свободным или либертинам, происходившим с Запада, с греческим — к отпущенникам и их потомкам, происходившим из стран Востока. Отсюда складывалась определенная статистика относительно социального и этнического состава римского общества.

Но как только номенклатурный анализ стал важнейшей частью социологического исследования, возникла проблема правомерности номенклатурного материала как основы социальной и этнической статистики. Иными словами возник вопрос, насколько характер имени отражает социальный статус и этническое происхождение того или иного лица. При этом сложилось мнение, что *popen* и *граепопен* в данном случае ничего не дает. Не случайно в историографии только две работы посвящены *gentilicium*². Всё внимание исследователей было сосредоточено на этимологии *cognomina*. Начало этим исследованиям положил Тенни Франк³. Он указывал, что носители греческих *cognomina* происходят от восточных рабов или их потомков. Таким образом, Тенни Франк впервые считал возможным использовать *cognomina* как критерий в определении состава римского населения, и в своих социально-экономических исследованиях, как уже отмечалось, широко пользовался этим критерием. Но точка зрения Тенни Франка по рассматриваемой проблеме оставалась господствующей недолго. Уже в 1926 г. Мэри Гордон⁴ высказала первые сомнения относительно *cognomina* как непогрешимого доказательства рабского происхождения. Она указывала, в частности, что многочисленные кельтские имена имели фонетически латинское звучание (р. 100). Кроме того, были латинские имена греческого звучания (р. 100—101). И наконец, греческие работорговцы и римские хозяева могли давать греческие имена рабам независимо от их народ-

ности (р. 103—105). Это последнее положение было поддержано Гольдерини⁵, который доказал, в частности, что греческие *cognomina* становятся во времена Империи «респектабельными», их дают иногда даже римлянам и потому они не всегда могут быть свидетельством греческого происхождения. В какой-то мере это мнение было поддержано и Вестерманом⁶, когда он анализировал имена рабов из Египта.

Метод Франка вызвал сомнение и у ряда современных исследователей. При этом некоторые авторы вообще предложили отказаться от этимологического исследования и обратиться к методу географическому (Х. Рикс и И. Унтерман)⁷. Критики этимологического метода снова прибегают к примерам гомонимов, когда нелатинские имена, например, Titus (фракийское) или Hilagus, Leo (греческое) принимают латинскую форму. Однако с самого начала у Тенни Франка нашлись сторонники. Выше уже были названы исследователи, основавшие свои труды по социально-экономической истории на методе Тенни Франка. Некоторые из них, в частности, А. М. Дафф, выступили в поддержку теоретических положений Тенни Франка относительно *cognomina*⁸. Дальнейшему развитию положений Франка посвящена сравнительно новая, но ставшая, пожалуй, уже классической, работа шведского эпиграфиста Тиляндера⁹. В главе «Имена и происхождение лиц», очень коротко остановившись на *gentilicia* (р. 138—143), автор основательно исследует вопросы о *cognomina* как показателе социального происхождения лиц (р. 143—178). При этом, Тиляндер подчеркнул, что прежде чем выяснить, можно ли считать греческие *cognomina* показателем восточного или невесточного происхождения их носителей, необходимо установить, можно ли вообще квалифицировать *cognomen* как достаточно надёжный критерий для определения этнической принадлежности. Чтобы решить этот вопрос, Тиляндер подробно останавливается на деноминации различных социальных категорий людей, которые теми или иными путями попали в Италию: рабов, отпущенников, солдат. Остановимся на изысканиях Тиляндера в области имён рабов и *cognomina* отпущенников, поскольку именно эта проблема является предметом нашего обзора. Исследуя деноминацию *vernae*, автор приходит к выводу, что последние чаще всего получали *cognomen* господина и только в исключительных случаях — родителей. Кроме того, еще будучи рабами, они получали *poten* своих господ. Поэтому, имя патрона легко установить по имени *vernae*. Таким образом, латинское или греческое имя *vernae* полностью зависит от имени патрона. Подобное положение с именами наблюдается и у *alumni*. Они имели *praenomen* и *poten* сходный с патроном. *Cognomen* *alumnus* тоже получал от патрона, а не от родителей. Следовательно, для *vernae* и *alumni* *cognomen* не может быть критерием для определения происхождения.

Значительно сложнее было с именами покупных рабов. Полемизируя с Мэри Гордон, Тиляндер подчёркивает, что нельзя представлять дело таким образом, будто всем рабам и греческого и негреческого происхождения римляне давали главным образом греческие имена, а латинские носили только дети, рождённые свободными. Тиляндер убедительно доказывает, что римляне давали рабам не только греческие,

но и латинские имена типа *Marimus*, *Martimus*, *Oriens*, *Peregrinus*, *Victoria*, *Felicitas*, *Spes*, *Potestas*.

В эпиграфических памятниках Италии, утверждает Тиляндер, встречается более трети рабов с латинскими именами, которые принадлежат рабам, происходившим из Германии. Далее Тиляндер подчёркивает, что нет оснований утверждать, будто греческие имена обязательно указывают на лиц греческого происхождения. И всё же надписи I в., по его мнению, позволяют связать многие имена с происхождением рабов, заметить различие между именами латинскими и греческими с одной стороны, и других языков, — с другой. Латинские и греческие имена, даже если они довольно часто появляются в той или иной стране, но позволяют определить происхождение раба, так как могут встречаться и в других странах. Но зато такие имена как *Ammonius*, *Sagaratmon*, *Seqarion* доказывают египетское происхождение, *Achiba*, *Aciba*, *Sabda* принадлежали лицам семитского происхождения, *Daza*, *Laevonicus*, *Tite* — выходцам из Иллирии и т. д.

Таким образом, когда дело касается кельтских, иллирийских, фракийских, семитских, фрагийских, ассирийских, иранских имен, то ими вполне можно оперировать для определения происхождения. При этом Тиляндер приводит обширную специальную литературу, исследующую имена названных народов (р. 161, 162). Но вся беда в том, что в общей массе имён доля негреческих и нелатинских ничтожна, к тому же происхождение многих из них филологами до сих пор не установлено. Тиляндер полагает, что рабу с именем на неизвестном языке чаще всего давали всё же греческое имя или латинское. То же самое он отмечает и в отношении имён, связанных с географическими названиями, типа *Theophores*, *Terentius*, *Delphicus*, *Asia*, *Attica* и т. д. Количество этих имён не даёт возможности определить происхождение рабов в целом, но в то же время часть имён указывает на их родину. Все вместе негреческие имена составляют 2—3%. Рабы всех выше указанных стран часто скрывались под греческими и латинскими именами.

В заключении исследования рабских *согномен* Тиляндер приходит к выводу, что на основании *согномен* можно установить различие между рабами, пришедшими из греческих или восточных стран, где говорили на греческом, и рабами из стран с латинским языком. Но поскольку рабам, происходившим из греческих стран, часто давали латинское имя, число восточных рабов было значительно больше, чем позволяют судить имена. Следовательно, цифры для восточных рабов, данные в классическом труде Тенни Франка, чрезвычайно занижены. Так же автор причисляет всех рабов, носивших латинские имена, к западным, и полагает, что они составляют 64% всех иностранных пришельцев. Занижает количество восточных рабов и Мэри Гордон, которая ссылается главным образом на литературные данные республиканских источников, когда западные рабы действительно могли превалировать. Что же касается империи, то здесь было большое количество доморожденных рабов. Приобретенные же рабы либо поступали в качестве пленных из постоянно восстававших восточных провинций, либо доставлялись через пиратов, которые также действовали главным образом в восточных странах.

Итак, Тиляндер не только признает, что характер *cognomen* может служить надежным критерием социального и этнического происхождения лиц, но и заметно раздвигает рамки этого критерия.

В историографии 60-х гг. проблема *cognomen* как социального и этнического «индикатора» продолжает оставаться предметом дискуссий и дальнейших изысканий. В 1961 г. в защиту Тенни Франка выступила профессор Лили Росс Тейлор¹⁰. Она доказывала, что в римских надгробиях простого люда греческие *cognomina* являются признаком либо отпущеннического статуса, либо потомков отпущенников.

Выдвинутые Т. Франком положения поддерживает и финский учёный И. Кайянто. Его работы о латинских и нелатинских *cognomina*¹¹ представляются особенно интересными. Соглашаясь с оппонентами в том, что отделение латинских имён от нелатинских — дело очень трудное, особенно когда речь идет о *praenomen* и *nomen*, Кайянто вместе с тем подчёркивает, что решение этого вопроса не безнадежно в отношении *cognomina*. *Cognomina* отличаются от других частей римского имени тем, что они входят в употребление в такое время, когда латинский язык вытесняет другие языки и диалекты Италии, а затем провинций. Латинский язык был уже так зрел, что фонетика и другие элементы не могли скрыть этимологию *cognomina*. Поэтому в большинстве случаев можно определить, какой *cognomen* является латинским, а какой — нелатинским. *Cognomina*, происходящие от латинских названий типа *Magnus*, *Priscus*, *Severus*, нетрудно определить. Легко определяются и *cognomina*, происходящее от родовых имён и географических названий *Aemilianus*, *Antonius*, *Gallus*, *Germanus*.

Таким образом, удобно считать латинскими все *cognomina*, происходящие от римских gentilных имен, а также все *cognomina*, происходящие от географической номенклатуры Запада. Что же касается гомонимов, т. е. нелатинских имен в латинском звучании, о которых постоянно говорят оппоненты Тенни Франка, то, по мнению Кайянто, они слишком малочисленны, чтобы существенно влиять на статистический материал. А пренебрегать этим материалом нельзя, так как разгадка происхождения *cognomina* может иметь важное значение для историка, исследующего социальные отношения. И первостепенное значение здесь, согласно Кайянто, может иметь исследование пропорции латинских и нелатинских *cognomina* между различными социальными группами. Именно эта проблема явилась предметом изучения в следующей работе Кайянто¹².

Для того, чтобы выяснить, насколько социальное и этническое происхождение определялось пропорцией латинских и нелатинских *cognomina*, автор взял для исследования *cognomina* свободнорожденных и отпущенников из 9 важнейших (как он считает) итальянских городов и *cognomina* солдат, преимущественно стоявших в столице (трактовка солдатских имен в данном обзоре рассматриваться не будет). Итак, Кайянто использует материалы Рима, Аквилеи, Беневента, Кремоны, Флоренции, Медиолана, Пармы, Путеол и Вероны. Все *cognomina* он делит на латинские и нелатинские, но последние охватывают главным образом греческие *cognomina* и небольшое число варварских имен. Да-

лее, вслед за Тейлор, все *cognomina* он делит на три группы: *ingenui*, *incerti* и *libertini*. Для определения либертинов, кроме обычного обозначения статуса (1), Кайянто считал либертинами тех, которые были обозначены как *contubernalis*. Сложнее было определить положение *ingenuus*. Самым надежным доказательством здесь является филиация, но в период империи она быстро выходила из употребления¹³, поэтому большая часть лиц попала в группу *incerti*. Из этой группы Кайянто отнес к группе *ingenui* тех, у кого известно было имя отца. Если *попеп* последнего римский, даже если он отпущенник, сына его автор считает возможным причислить к *ingenuus* в соответствии с римским правом. Но из категории *ingenui* были исключены солдаты и члены сенаторских фамилий. При определении латинских и нелатинских *cognomina* Кайянто исходил из метода, разработанного им в предыдущем исследовании о латинских *cognomina*. Весь собранный материал с учетом указанных критериев Кайянто свел в следующую таблицу.

Статистические данные, представленные в таблице, позволили автору прийти к выводу, что *cognomina* свободнорожденных повсюду были преимущественно латинскими. Хотя большинство отпущенников имели греческие и другие нелатинские *cognomina*, своим детям они старались присвоить латинские (статистически этот материал представлен у Тейлор на стр. 126). Те 20% *ingenui*, которые имели нелатинские *cognomina*, скорее всего были бывшими рабами и перегринами, полагает Кайянто. В верхней Италии многие свободнорожденные носили местные имена, среди которых было много кельтских.

Что касается отпущенников, то, хотя общее количество нелатинских *cognomina* у них в два раза больше, чем латинских, действительно большее число их встречается только среди римских отпущенников. В других местах отпущенники носили латинские *cognomina* так же часто, как и нелатинские, а в Медиолании и в Парме даже чаще. Кайянто считает, что эти данные все же не умаляют теорию о греческих *cognomina* как специфически рабских, и на основе регистра рабских имен Банга¹⁴ пытается доказать, что его данные не противоречат теории Т. Франка о том, что греческие имена принадлежали главным образом пришедшим с Востока, а рабы, происходившие из стран с латинским языком, имели латинские имена.

В странах греческого востока нелатинских *cognomina* — 80%, в западных провинциях только 36%, а в Италии рабы, включая *vegnae*, имели нелатинских *cognomina* ненамного больше, чем латинских. Высокую пропорцию отпущенников с латинским *cognomina* в Верхней Италии Кайянто объясняет тем, что рабы в этих районах большей частью происходили из латинских провинций. Но влияние западных провинций на имена рабов не является единственным фактором, определяющим высокий процент латинских имен у итальянских рабов. Большое количество имен среди итальянских рабов Кайянто объясняет широким распространением здесь рабов *vegnae*. Он полагает, что восточные рабы ввозились главным образом в столицу, а провинциальные города обходились доморощенными рабами или рабами из близлежащих провинций. Но даже если отпущенник получал *cognomen* хозяина, невозможно было

Таблица

Cognomina свободнорожденных, неопределенных и вольноотпущенников

Категории носителей имен	Количество имен по провинциям																
	Рим		Аквилия		Беневент		Кремона	Флоренция	Медиолан		Парма	Путеолы		Верона		Всего	
	кол-во	%	кол-во	№	кол-во	%			кол-во	%		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Свободнорожденные																	
Латинские имена	129	73,3	76	77,3	52	91,2	17	9	74	79,4	7	93	74,4	143	92,9	600	80,8
Нелатинские имена . . .	47	26,7	21	22,7	5	8,8	2	17	17	20,6	2	32	25,6	11	7,1	139	19,2
Неопределенные																	
Латинские имена	386	41,6	339	71,7	115	77,2	18	28	122	70,5	16	387	55,9	112	60,9	1523	56,5
Нелатинские имена . . .	541	58,4	138	28,9	34	22,8	5	12	51	29,5	12	305	44,1	72	39,1	1170	43,5
Вольноотпущенники																	
Латинские имена	180	28,3	79	46,7	36	45	6	4	49	55,7	6	71	40,6	31	37,3	462	36,4
Нелатинские имена . . .	455	71,7	90	53,5	44	55	9	12	40	44,2	4	104	50,4	52	62,6	810	96,6

установить, был ли он в прошлом доморощенным рабом или получил свое имя при покупке. Что касается *incerti*, то только в Риме большинство *congomina incerti* были греческими. Это позволяет Кайянто вслед за Тейлор утверждать, что большинство *incerti* были отпущенники.

В заключении Кайянто подчеркивает, что материал латинских и нелатинских *congomina* не может быть использован недифференцированно. Этот материал доказывает, что источники рабства и сфера их использования в различных городах неодинаковы.

Обзор приведенной литературы свидетельствует прежде всего о том, что велик в зарубежной историографии интерес к кардинальной проблеме античности — источниках рабства и количеству рабов и какое исключительное значение в решении этой проблемы отводит зарубежная наука эпиграфическим материалам, в частности, номенклатурным данным. Показательно, что, сколько бы ни высказывалось пессимистических замечаний в адрес номенклатурного метода, его продолжают защищать и им продолжают пользоваться авторитетные ученые самых различных стран; причем, несмотря на различный подход этих авторов к анализу номенклатурного материала, расхождения их в оценке тех или иных *congomina*, использование его в больших масштабах неизменно приводит исследователей ономастики Римской империи прежде всего к признанию широких масштабов рабства. Современные исследования как правило существенно уточняют статистику Т. Франка, расширяя категории рабских имен и соответственно увеличивая процент рабского населения.

Нам представляется, что приведенные исследования далеко еще не исчерпали возможности номенклатурного материала. Прежде всего, необходимо отметить, что в методике исследования его немало спорного и недостаточно обоснованного, например, вопрос о критерии для латинских и нелатинских имен. Достаточно сказать, что даже такое распространенное имя как *Nilarus* одни авторы относят к латинским именам (Т. Франк и Кайянто), другие — к греческим (Тиляндер, Тейлор). Поскольку установлено, что *vegnae* и покупным рабам нередко давали латинские имена, то для исследователя социальных проблем было бы чрезвычайно полезно знать, были ли вообще латинские имена, характерные для рабов? Или выбор их был совершенно случайным? И какие имена чаще всего давали рабам? Этот вопрос по сути дела только поставлен у Тиляндера, который отметил несколько характерных для рабов латинских имен, в частности, *Felix*. Это имя встречается в 430 надписях (CIL, v. VI¹⁵). Но, к сожалению, ни Тиляндер, ни другие авторы не сделали данный вопрос предметом специального исследования. Характер латинских рабских имен можно было бы небезуспешно выяснить на данных ономастики императорских рабов и отпущенников, именами и положением которых тоже сейчас много занимаются, но несколько в ином плане¹⁶. Кроме того, для решения рассматриваемого вопроса определенные данные можно было бы почерпнуть из многочисленных *alba* коллегий ремесленников, рабов, *avgусталов*, которыми, в частности, так богаты эпиграфические материалы Остии.

Наконец, очень плодотворно было бы, на наш взгляд, исследование

когномен вместе с помен и праепомен, когда дело касается отпущенников, вергае или общественных рабов. Это помогло бы более глубоко выяснить не только закономерности ономастики, но и до некоторой степени установить просопографию некоторых лиц рабского происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ T. Frank. *An economic History of Rome*. Baltimore, 1927; Gumerus. *Industrie und Handel*.—RE, IX, col. 1459—1501. H. J. Loane. *Industry and Commerce of the City Rome (50 B.C.—200 A.D.)*. Baltimore, 1938; A. M. Duff. *Freedmen in the Early Roman Empire*. Oxf., 1958.

² W. Schulze. *Zur Geschichte des lateinischen Eigennamen*. Berlin, 1933. J. Rechmuth. *Die lateinischen Gentilicia und ihre Beziehungen zu den römischen Individualnamen*. Zürich, 1956 (diss.).

³ T. Frank. *Race mixture in the Roman Empire*.—*American History Review*, 21, 1915—1916, p. 689—708; Его же. *Economic History* p. 202—218.

⁴ Mary L. Gordon. *The Nationality of Slaves under the Early Roman Empire*.—*Journal of Roman Studies*, 14, 1924, p. 93—111.

⁵ A. Galderini. *Aquileia Romana*. Milano, 1930, p. 417.

⁶ W. L. Westermann. *Sklaverei*.—RE. Suppl., VI, 1935, col. 1003.

⁷ F. G. Maier. *Römische Bevölkerungsgeschichte und Inschriftenstatistik*.—*Historia*, 11, 1957, N 3, S. 41; H. Rix. *Das etruskische Gognomen*. Wiesbaden, 1963; J. Untermann. *Die venetischen Personennamen*. Wiesbaden, 1961.

⁸ A. M. Duff. *Freedmen*..., p. 5.

⁹ H. Thylander. *Étude sur l'épigraphie latine (Date des inscriptionsnoms et denomination latine noms et origine des personnes)*. Lund, 1952.

¹⁰ L. R. Taylor. *Freedmen and Freeborn in the epitaphs of the Imperial Rome*.—*American Journal of Philology*, 82, 1961.

¹¹ J. Kajanto. *The Latin Cognomina*, Societas Scientiarum Fennica.—*Commentationes Humanarum, Litterarum*, XXXVI, 2. Helsinki, 1965; Его же. *Onomastic Studies in the Early Christian Inscriptions of Rome and Carthage*.—*Acta Instituti Romani Finlandiae* II, Helsinki. 1963 (работа оказалась нам недоступна); Его же. *The Significance of Non-Latin cognomina*, *Latomus*, t. 27, 3, 1968, p. 517—534.

¹² J. Kajanto. *The Significance*..., p. 517—534.

¹³ J. Kajanto. *Onomastic*..., p. 5.

¹⁴ M. Bang. *Die Herkunft der römischen Sklaven in «Römische Mitteilungen»*, 1910, S. 220—251.

¹⁵ H. Thylander. *Étude*..., p. 149.

¹⁶ G. Boulvert. *Les esclaves et affranchis impériaux sous le Haut-Empire romain*. Aix-en-Provence, 1964; H. Chantraine. *Freiglassene und Sklaven im Dienst der Römischen Kaiser Studien zu ihrer Nomenclatur*. Wiesbaden, 1967; P. R. C. Weaver. *The Status Nomenclature of the Imperial Freedmen*.—*The Classical quarterly*, 1963, v. XIII, N 2, p. 272—278; Его же. *The Status Nomenclature of the Imperial Slaves*.—*Classical Quarterly*, XIV, 1964, p. 134—139.